

DOI: 10.31857/S086919080007227-6

ФЕНОМЕН ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ МАЛЫХ НЕКРОПОЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОТКРЫТИЙ РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ В ГИЗЕ

© 2019

С. Е. МАЛЫХ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2077-7285>
malyh2002@mail.ru

Резюме: Статья посвящена анализу двух так называемых малых некрополей в Гизе, обнаруженных и изученных Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН перед скальными гробницами Хафраанха и Ченти I с 1999 по 2017 г. Все некрополи располагаются локально, плотно занимая ограниченные пространства скальных уступов на восточной оконечности Восточного плато Гизы. Такая локальность и компактность продиктована рельефом местности, а также, видимо, стремлением устроить некрополь как можно ближе к определенному культовому объекту, которым в описываемых случаях выступают вельможеские гробницы, датированные второй половиной Древнего царства. Анализируемые малые некрополи, расположенные перед скальными гробницами Хафраанха и Ченти I, в целом синхронны указанным гробничным сооружениям и относятся ко второй половине 3-го тыс. до н.э. Они демонстрируют общность логики развития, архитектурных форм и погребального обряда, но, по-видимому, являются не только семейными кладбищами, но и местом захоронения слуг хозяев привилегированных гробниц Гизы и лиц, объединенных одной профессией. Аналоги подобным малым некрополям в Мемфисском регионе немногочисленны (главным образом, они найдены в западной Саккаре), что, вероятно, объясняется методами ведения археологических раскопок в конце XIX – начале XX в. Учитывая обнаружение малого некрополя I-м тыс. до н. э. над скальной гробницей Кахерптаха в Гизе можно сделать вывод о длительном существовании традиции устройства особых погребальных мест вблизи примечательных гробничных комплексов. Все это свидетельствует о стойкости древнеегипетских погребальных представлений, склонности египтян к восприятию древних культовых памятников как сакральных мест и демонстрирует самобытность древнеегипетской цивилизации, уникальной и крайне узнаваемой в своем единообразии.

Ключевые слова: Египет, Гиза, Древнее царство, погребальный обряд, Российская археологическая экспедиция ИВ РАН в Гизе.

Для цитирования: Малых С. Е. Феномен древнеегипетских малых некрополей в контексте открытий российских археологов в Гизе. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 36–51. DOI: 10.31857/S086919080007227-6

THE PHENOMENON OF ANCIENT EGYPTIAN MINOR CEMETERIES IN THE CONTEXT OF THE DISCOVERIES OF RUSSIAN ARCHAEOLOGISTS IN GIZA NECROPOLIS

© 2019

Svetlana E. MALYKH^а

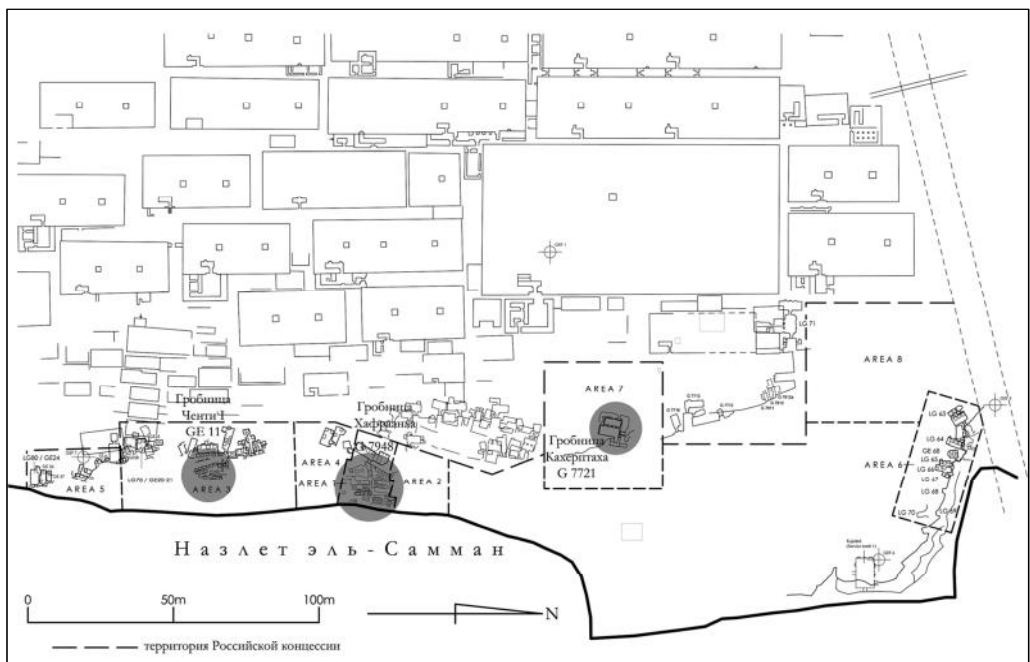
^а – Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2077-7285>
malyh2002@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of two so-called minor cemeteries in Giza Necropolis, discovered and studied by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in front of the rock-cut tombs of Khafraankh and Thenty I from 1999 to 2017. All the necropoleis were located locally, densely occupying the limited rock spaces at the eastern

edge of the Eastern Field of Giza Necropolis. Such locality and compactness was dictated by the topography, as well as, apparently, by the desire to build a cemetery as close as possible to a certain cult object, which in the cases was a noble tomb dated to the second half of the Old Kingdom. The two analyzed minor cemeteries located in front of the rock-cut tombs of Khafraankh and Thenty I are generally synchronous with these tombs, dated back to the second half of the 3rd millennium B.C. and demonstrate the common logic of development, architectural forms and burial rites, but, apparently, were not only family cemeteries, but also the burial place of the servants of the owners of the Giza privileged tombs and people of one profession. Analogues to such minor cemeteries in the Memphitic Region are few in number (mostly found in western Saqqara), which is probably due to the procedure of archaeological excavations in the late 19th – early 20th centuries. Based on the discovery of the minor cemetery of the 1st millennium B.C. above the rock-cut tomb of Kaheptah in Giza, we can conclude that the tradition of constructing special burial places near the remarkable tomb complexes has long existed. All this testifies to the persistence of ancient Egyptian funerary beliefs, the tendency of Egyptians to perceive ancient religious monuments as sacred spaces and demonstrates the originality of ancient Egyptian civilization, unique and extremely recognizable in its uniformity.

Keywords: Egypt, Giza, Old Kingdom, burial rites, Russian Archaeological Mission at Giza (IOS RAS).

For citation: Malykh S. E. The Phenomenon of Ancient Egyptian Minor Cemeteries in the Context of the Discoveries of Russian Archaeologists in Giza Necropolis. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6 Pp. 36–51. DOI: 10.31857/S086919080007227-6

Илл. 1. План восточной оконечности Восточного некрополя Гизы (рис. С. В. Ветехова). Серым цветом отмечены Малые некрополи I и II, а также гробница Кахерптаха (G 7721).

Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН в Гизе (Арабская Республика Египет) занимается изучением восточной оконечности Восточного некрополя Гизы – места захоронения древнеегипетских царей и их приближенных в 3-м тыс. до н. э. В центре внимания полевых исследований экспедиции – расположенные

здесь скальные гробницы древнеегипетской знати XXV–XXII вв. до н. э.¹, представляющие собой несколько помещений (культовых часовен, погребальных камер и ведущих в них шахт), вырубленных в толще известнякового скального основания плато Гиза. Однако эти погребальные комплексы не являются единственными. В ходе работ были выявлены так называемые «малые некрополи» (илл. 1) – компактные скопления более простых по архитектуре могил, окружающие те или иные гробницы и имеющие естественные или искусственные границы.

«МАЛЫЕ НЕКРОПОЛИ» ВОСТОЧНОЙ ГИЗЫ ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Малый некрополь I перед гробницей Хафраанха

Первые полевые сезоны российской экспедиции (1996–1998) имели целью всесторонне изучить вырубленную в скале гробницу жреца-wab Хафраанха (G 7948, середина – вторая половина V династии, время царствования Ниусерра – Джедкара-Исеси (ок. XXIV в. до н. э.) [Кормышева, Томашевич, Чегодаев, 2000; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010]). Однако в 1999 г. начались раскопки территории, прилегающей к гробнице, с целью уточнить ее архитектуру. В результате были обнаружены шахтные погребения, расположенные по-соседству с гробницей, но не имевшие поминальной часовни – т.е. места отправления поминального культа ее владельца. Дальнейшие работы, продлившиеся вплоть до 2005 г., выявили компактный некрополь площадью около 500 кв. м, состоящий из погребений различной конструкции (илл. 2–3)², заполнявшийся последовательно в течение второй половины Древнего царства и прошедший несколько конструктивных стадий [Кормышева, Малых, 2009; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012].

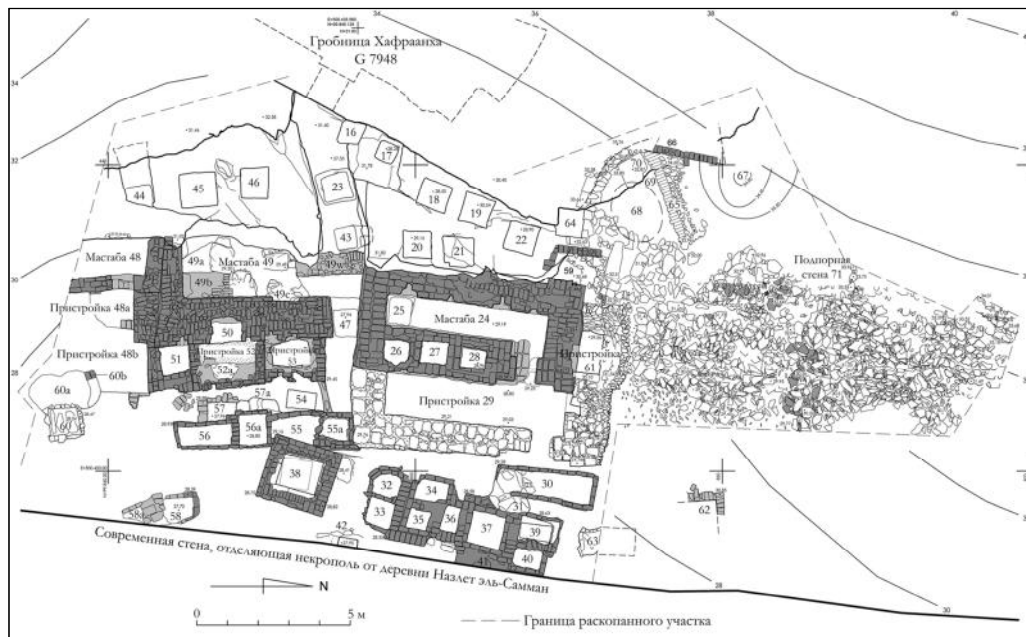
Первоначально представлялась следующая логика развития кладбищенского комплекса: «отправной точкой» («гробницей-ядром»³) была скальная гробница Хафраанха, с восточной стороны от которой на известняковой террасе стали вырубаться погребальные шахты, а еще восточнее них – на расположенных ниже двух скальных террасах – строиться склепы из сырцового кирпича непосредственно на скале. Однако на средней террасе были раскопаны две мастабы (24 и 49, илл. 3), имевшие сложенные из сырцового кирпича поминальные часовни, тогда как погребальные камеры владельцев были вырублены в скальном основании этих гробниц. Мастаба 24 сохранилась лучше, и по ней видно, что наружные и внутренние пространства сырцовых стен были выровнены слоем сырцового раствора, оштукатурены и побелены; на западной стене были устроены узкие ниши – так называемые «ложные двери» (условный выход и вход для двойника-ка покойного в загробный мир). Следов росписей или надписей не сохранилось, однако фрагменты керамики, обнаруженные в тесте сырцовых кирпичей, позволили датировать оба памятника не позже начала правления V династии (приблизительно начало XXV в. до н. э.) [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 59–60, 124], что предшествует по времени соз-

¹ Все абсолютные даты для Египта эпохи Древнего царства до сих пор остаются весьма приблизительными и спорными.

² Илл. 2, 6, 7 и 8 находятся на цветной вклейке.

³ Термином «гробница-ядро» условно называется наиболее ранняя и обычно наиболее крупная гробница среди других погребальных сооружений определенного участка древнеегипетского некрополя. Она занимает территорию с лучшим качеством скалы, наиболее пригодную для строительства согласно архитектурным канонам своего времени, а ее планировка выстраивается без каких-либо пространственных ограничений. Возведенным вокруг такой «гробницы-ядра» мастабам или вырубленным скальным гробницам, созданным позже, приходилось довольствоваться остатками поверхностного или скального пространства, «которое не всегда позволяло соблюдать стандарты, к примеру, располагать вход с восточной стороны, ориентировать часовню по линии север–юг, придавать часовне правильную прямоугольную форму, размещать и вырубать шахты на желаемую глубину» [Ветохов, 2016(1), с. 253, 262].

данию гробницы Хафраанха. Более того, часть стен мастабы 49 была снесена для того, чтобы обеспечить проход в гробницу Хафраанха.

Илл. 3. План Малого некрополя I перед скальной гробницей Хафраанха (G 7948)
(рис. С. В. Ветехова).

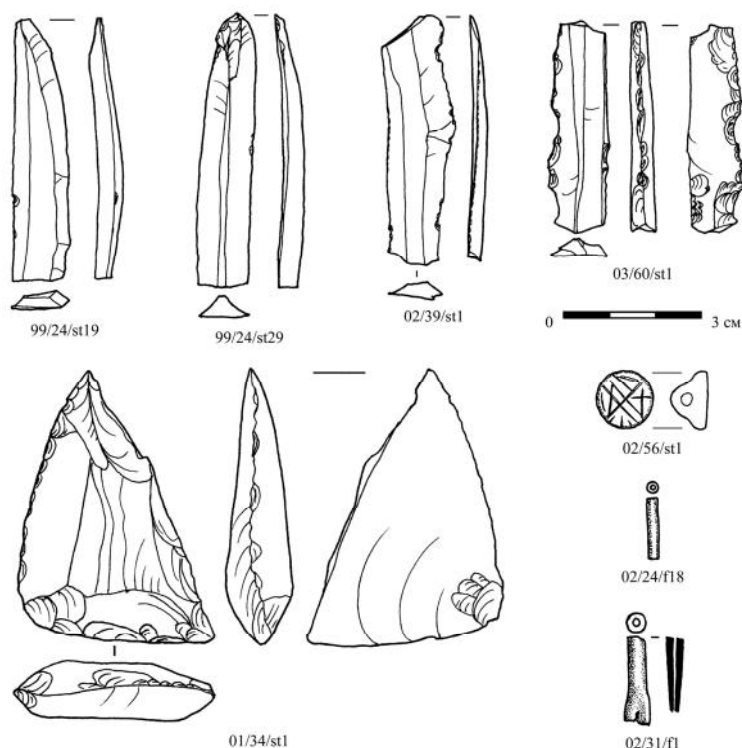
В дальнейшем в течение V династии к этим двум мастабам, являвшимся на тот момент главными сооружениями данного участка (т.е. «гробницами-ядрами»), с востока были пристроены новые помещения 29, 50–53 (илл. 3), в которых были устроены наземные погребения, представлявшие собой склепы из сырцового кирпича. В отсутствие письменных данных можно лишь предположить, что эти части кладбища формировались как места захоронения членов одних семей, состоявших в родственных связях с владельцами мастаб 24 и 49, не обладавших социальным статусом и материальным положением, достаточным для возведения собственных гробниц с поминальными часовнями – местами отправления поминального культа, гарантировавшего достойное существование умершего в загробном мире. Родственники могли лишь надеяться на часть жертвенных даров, приносимых в гробничные часовни с целью обеспечения такого культа.

После вырубки скальной гробницы Хафраанха на данном участке появился новый объект («гробница-ядро») для пристраивания второстепенных погребений, по-видимому принадлежавших родственникам Хафраанха. В результате в скале, примыкающей к гробнице и расположенной между ней и сырцовыми мастабами, были высечены серии шахтных погребений 16–23, 43–46 (илл. 3) глубиной от 1,75 до 4,25 м, не имевших культовых надстроек [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 18–54, 249–250]. Изначально более высокий статус владельца «гробницы-ядра» Хафраанха, видимо, отразился на появлении здесь более затратных по конструкции погребений его гипотетических родственников.

Таким образом, к концу правления V династии два небольших семейных кладбища слились в одно, в дальнейшем развивавшееся в едином пространстве в восточном на-

правления. В течение VI династии (XXIII – первая половина XXII в. до н. э.) здесь было устроено значительное число простых наземных сырцовых склепов (погребения 30, 32–37, 39–42, 54–56, 58, *илл. 3*) и лишь одна погребальная шахта 38, выделяющаяся своей глубиной, достигавшей 8,67 м. Наиболее поздние погребения в Малом некрополе I датируются концом правления VI династии [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 341].

Важно отметить, что восточная граница Малого некрополя I не была установлена, так как часть погребений уходила под ограду, отделяющую археологический памятник от современной деревни Назлет эль-Самман, древние культурные слои на территории которой к настоящему времени практически полностью уничтожены жилыми домами. Наиболее поздние по времени создания погребения располагались у этой ограды. Однако вряд ли малый некрополь простирался далеко – уже в восточной части раскопанной зоны были выявлены пустые пространства, тогда как в средней части все плотно заполнено могилами. Видимо, современная ограда расположена неподалеку от границы древнего кладбища.

Илл. 4. Предметы из Малого некрополя I перед скальной гробницей Хафраанха (рис. И. В. Рукавишниковой).

В основном погребения Малого некрополя I безинвентарные, за некоторыми исключениями. Так, в погребении 56/56а на теле женщины 20–29 лет *in situ* находился каменный предмет – так называемая печать-«пуговица» (*илл. 4*), характерная для поздней VI династии⁴, что является хронологическим маркером для датировки данного захоронения [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 205, fig. 93]. В засыпке погребений 34, 39 и

⁴ Подробнее о датировке и морфологических параллелях печати-«пуговице» см.: [Малых, 2017, с. 540].

60 также времени правления VI династии были найдены кремневые ножевидные пластины (вкладыши) и скребок (илл. 4) [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 173, 178, 210, fig. 74, 77, 96]. Вероятно, из ограбленных погребений происходят две схожие кремневые ножевидные пластины 99/24/st19 и 99/24/st29, найденные в засыпке мастабы 24, а также деформированная цилиндрическая бусина 02/31/fl1 из голубого фаянса (илл. 4). Любопытно, что другая фаянсовая бусина (02/24/fl18, илл. 4) была обнаружена в сырцовой кладке мастабы 24 [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 58–60, 70, 94, fig. 30, 32, 41] и, вероятно, попала туда еще в процессе строительства, т.е. была утеряна одним из мастеров.

Погребальный обряд, демонстрируемый нетронутыми или частично потревоженными погребениями Малого некрополя I, показывает одновременно и однообразие, и допустимость некоторых модификаций. Так, все умершие (кроме погребения 36) лежат по оси север–юг, головой на север. Предпочтительная поза для погребений времени V–VI династий – скорченная (эмбриональная) или полускорченная (с ногами, согнутыми в тазобедренном суставе примерно под 90°), на левом боку, лицом на восток, без следов мумификации. Однако в некоторых поздних погребениях этого некрополя тела уложены в вытянутой позе на спине (погребения 55, 56 и 30), что может быть объяснено постепенным внедрением практики мумификации, для которой вытянутая поза тела была более удобна. Единственное погребение (36), ориентированное иначе – по оси запад–восток, головой на запад, в эмбриональной позе, видимо, обязано своим положением стремлению вместить тело в небольшое пространство между более ранними погребениями, и это пространство было недостаточным, чтобы уложить тело по оси север–юг [Кормышева, Малых, 2009, с. 213].

Погребенные мужчины и женщины, обнаруженные в наиболее поздних могилах восточной части Малого некрополя I, объединяются серией общих антропологических признаков – достаточно ранним возрастом смерти (от 20 до 39 лет, но детей среди них нет) и следами тяжелых физических нагрузок [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 329–332], что заставляет предположить не столько их родственные связи, сколько общий характер трудовой деятельности, связанный с подъемом тяжестей. Аналогичные признаки были отмечены у скелетных останков, выявленных на так называемом Кладбище строителей пирамид в юго-восточной Гизе, где сконцентрированы могилы работников и мастеров, участвовавших в строительстве царских пирамид Гизы и окружающего их некрополя высшей знати [Hawass, 2004, p. 21–22, 37–38; Hawass, 2009, p. 126].

Учитывая временной разрыв между датировкой поздних захоронений в восточной части Малого некрополя I (VI династия) и датировкой «Кладбища строителей пирамид» (IV–V династии, XXVI–XXIV вв. до н. э. [Hawass, 2004, p. 39; Hawass, 2009, p. 134; Hawass, Senussi, 2008, p. 16, 34]), можно предположить, что в восточной части Малого некрополя I нашли последнее пристанище рядовые каменщики и мастера некрополя Гиза, занимавшиеся при VI династии возведением мастаб знати и вырубкой скальных шахт и часовен. Вряд ли это были лица, состоявшие в родстве с Хафраанхом или умершими ранее безымянными владельцами сырцовых мастаб 24 и 49. Возможно, бывший некогда семейным участок привилегированного некрополя Гиза был заброшен и вновь стал использоваться представителями более низших слоев древнеегипетского общества.

Малый некрополь II перед гробницей Ченти I

В 2006 г. была найдена скальная гробница придворного и управляющего домом (gхnswt imy-rA pr) Ченти (GE 11) [Kormysheva, Malykh, 2010, p. 52–57], не уступавшая по качеству оформления гробнице Хафраанха и схожая с ней, однако дошедшая до нас в худшей сохранности. Вероятно, время ее создания сопоставимо с гробницей Хафраанха, на что косвенно указывают общий стиль и манера рельефного оформления восточных

стен поминальных часовен обеих гробниц. Можно предположить, что обе часовни были оформлены одной и той же бригадой мастеров в середине – второй половине правления V династии.

Илл. 5. План Малого некрополя II перед скальной гробницей Ченти I (GE 11) (рис. С. В. Ветехова).

В 2011 г. в толще восточной стены скальной гробницы Ченти I (GE 11) было обнаружено три дополнительных шахтных погребения 25–27 (илл. 5), а затем, в 2012 г., первый ряд шахтных погребений, расположенных на скальной террасе за восточной стеной данной гробницы (илл. 6). По типу своего устройства они идентичны шахтным погребениям 16–22, находящимся за восточной стеной гробницы Хафраанха. К 2014 г. было расчищено 25 вырубленных в скале погребальных шахт, концентрирующихся перед гробницей Ченти I, занимающих площадь примерно 110 кв. м и формирующих так называемый Малый некрополь II. Точные границы и окончательный размер некрополя не были установлены, так как работы на данном участке были прекращены: для продолжения работ необходимо решить вопрос с местом складирования археологического отвала, занявшего значительную территорию, в связи с невозможностью его вывоза тяжелой техникой из-за сложного рельефа местности. Тем не менее, исходя из имеющейся топографии Малого некрополя II, логично допустить, что «гробницей-ядром», т.е. главным «культовым ориентиром», для него послужила гробница Ченти I (GE 11), а не расположенные север-

нее более скромные скальные гробницы Ченти II (LG 77 / GE 12), Хуфухотепа (LG 76 / GE 15), безымянные гробницы GE 17, GE 18 и др. На это косвенно указывает и декор в виде череды «ложных дверей», высеченных на скале перед шахтами 35–39 (илл. 5–6). Этот декор вряд ли относился к самой гробнице Ченти I, обладавшей собственными «ложными дверями», а скорее был сделан для шахтных погребений, расположенных восточнее.

Глубина ведущих в погребальные камеры шахт Малого некрополя II варьируется от 1,10 до 6,31 м. В погребальных камерах восьми из них были найдены нетронутые (GE 45, GE 59A-1, GE 60) или частично ограбленные захоронения (GE 36, GE 38, GE 52, GE 53, GE 59A-2), по большей части безинвентарные, за исключением двух (GE 59A-1 и GE 59A-2). Рядом с телом женщины старше 50 лет в погребении GE 59A-2 лежала медная подвеска, похожая на цветок с пятью лепестками (14/59A-2/m1, илл. 7). Под правой рукой мужчины 20–30 лет из погребения GE 59A-1 находилась медная четырехзубая острога (14/59A-1/m1, илл. 7) [Лебедев, 2017]. Остальные предметы, выявленные в заполнении нетронутых шахт, носят иной характер: это не инвентарь, призванный сопровождать умершего в загробном мире, а вещи, брошенные или утерянные теми, кто занимался подготовкой мест захоронения. Вероятно, именно утерянным можно считать мелкий (высотой всего 0,9 см) амулет-бусину в виде сидящего павиана из голубого фаянса (14/45/f1, илл. 7), находившийся в нижней части заполнения нетронутой грабителями погребальной шахты GE 45. Видимо, в процессе запечатывания погребальной камеры была потеряна мастерами и цилиндрическая фаянсовая бусина 14/59A-1/f1, найденная в растворе, скрепляющем камни блокировочной стены в шахте GE 59A-1.

Практически во всех шахтах Малого некрополя II были обнаружены каменные орудия, брошенные древними мастерами из-за поломки или за ненадобностью. В основном это кварцитовые (реже базальтовые и гранитные) грубо обработанные камни со следами медных окислов, служившие для заточки медных инструментов, а также обломки кремневых ножей и вкладышей (14/60/st4, 14/59A-1/st1, илл. 8): все они лежали не в погребальных камерах рядом с телом, а в стволах шахт GE 26, GE 37, GE 39, GE 44, GE 45, GE 59A-1 и GE 59A-2, в основном на дне или в нижней части заполнения. Примечательно, что аналогичные находки были сделаны нашей экспедицией и в погребальных шахтах скальных гробниц, как расположенных рядом (гробницы Ченти II (LG 77), Хуфухотепа (LG 76), GE 17, GE 49, GE 58), так и удаленных (гробницы Каемнефрета (LG 63) и Несемнау (LG 64), расположенные значительно севернее – у процессионной дороги Хуфу), т.е. это было общей и привычной практикой для древнеегипетских каменщиков.

Сказанное выше вовсе не означает, что каменные орудия не рассматривались древними как сопроводительный инвентарь. Базальтовый молот, два базальтовых лощила и кварцитовый точильный камень были обнаружены *in situ* в так называемом погребении ювелира в скальной гробнице Перинеджу (GE 19) [Лебедев, Малых, 2017, с. 145, 154–156, рис. 2, 8]. В погребальной камере Хафраанха в его скальной гробнице G 7948 были выявлены два диоритовых молота, кремневый резец, песчаниковый и кварцитовый точильные камни, известняковое лощило [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 232–233, fig. 63]. Нередко захоронения знати сопровождает и набор медных инструментов или их миниатюрных копий-моделей, как, например, в гизехской скальной гробнице Несемнау (LG 64, погребальная камера шахты 3 [Malykh, 2018, p. 65, fig. 5]) или в абусирских гробницах Кара-младшего и Сенеджемиба [Bárta et al., 2009, p. 225–237, 260–263, pl. 27–28].

Среди предметов, обнаруженных в шахтных погребениях Малого некрополя II, присутствуют целые или археологически целые лепные пивные кувшины, по своему типу характерные для второй половины V–VI династий. Как и каменные орудия, они находились не в погребальных камерах, а в стволах шахт. Наиболее информативной в этом пла-

не является шахта GE 45, на дне которой, у стены, закладывавшей вход в погребальную камеру, и в небольшой нише на северной стене было обнаружено десять целых и разбитых (видимо, раздавленных массой грунта) пивных кувшинов с нильским илом внутри и следами запечатывающих пробок. Вероятно, эти сосуды следует связать с проведением заключительных действий в процессе похорон – в ритуале запечатывания погребальной камеры. Существование подобной культовой практики археологически зафиксировано в гизехской скальной гробнице GE 58 [Kormysheva et al., 2018, p. 166, pl. LXXXIII], расположенной к югу от Малого некрополя II, а также в гробницах Саккары и Абусира [Rzeuska, 2006, p. 444; Arias Kytmarová, 2011, p. 206–207].

Что касается особенностей ингумации в Малом некрополе II, то о них можно судить прежде всего по нетронутым погребениям, хотя фрагментарные остатки тел в анатомическом порядке в частично ограбленных захоронениях также добавляют информации по этому вопросу. В целом можно заключить, что погребальный обряд в Малом некрополе II представлял собой труположение на левом боку по оси север–юг, головой на север, лицом на восток, в скорченной или полускорченной позе, без следов мумификации. Этот же способ захоронения был зафиксирован и в Малом некрополе I.

Возраст погребенных мужчин и женщин в основном варьируется от 40 до 50 лет, и только в погребальной камере шахты GE 59A-1 находился мужчина 20–30 лет. Необходимо также отметить, что в расположенных рядом шахтах GE 52 и GE 60 были найдены скелеты мужчин 40–49 лет с признаками дварфизма (карликовости). При этом, согласно мнению антропологов М.В. Добровольской и М.Б. Медниковой (Институт археологии РАН), эти карлики не были кровными родственниками, так как их костные останки демонстрируют два разных вида дварфизма (умерший из GE 52 с ахондроплазией), что исключает генетическую связь. Также маловероятно (исходя из выявленного генетически наследуемого заболевания), что они состояли в родстве с кем-то из похороненных в Малом некрополе II.

Таким образом, и наиболее затратный способ устройства места погребения – вырубленная в скале шахта против построенного на скале склепа из сырцового кирпича, и возраст захороненных в Малом некрополе II лиц удостоверяет их более высокий статус, нежели у людей, похороненных в восточной части Малого некрополя I. Логично предположить, что владельцы этих шахт могли состоять в родстве с царскими чиновниками Ченти I, Ченти II и Хуфухотепом, возведшими себе скальные гробницы здесь же, или находились у них в услужении (например, карлики из шахт GE 52 и GE 60) и были вознаграждены местом на этом кладбище. На это может указывать изображение карлика-слуги, ведущего быка, на северной стене гробницы Ченти I. Согласно гробничным изображениям, древнеегипетские вельможи считали престижным иметь слуг-карликов⁵, а в вельможеских хозяйствах работали карлики-ювелиры⁶.

На основе керамического материала, обнаруженного в заполнении шахт Малого некрополя II, можно определить датировку погребений в интервале от V до конца VI династий [Малых, 2018, с. 62–67], с возможностью захвата и ранней части Первого Переходного периода⁷ (вторая половина XXII – XXI в. до н. э.). Причем самые поздние по времени создания погребения наиболее удалены от «гробницы-ядра» Ченти I – ситуация, аналогичная отмеченной нами в Малом некрополе I. В целом, исходя из планиграфии Мало-

⁵ См., например, изображения в гизехской мастабе Нисутнефера [Junker, 1938, Taf. V] или в гробнице Ури-ни в Шейх Саиде [Davies, 1901, pl. III].

⁶ На это должны указывать многочисленные изображения карликов-ювелиров в столичных и провинциальных гробницах древнеегипетской знати эпохи Древнего царства (см., например [Myśliwiec et al., 2004, pl. XXII, LXX; Davies, 1901, pl. IV]), однако нам кажется маловероятным, что в Египте эпохи 3-го тыс. до н. э. могла существовать столь крупная группа людей с признаками дварфизма.

⁷ Подробнее об этом см.: [Малых, 2017, с. 540–550].

го некрополя II, получается следующая картина развития этого погребального комплекса: наиболее ранние шахты старались располагать упорядоченно, поэтому они образуют ряды (илл. 5–6). Более поздние шахты хаотично разбросаны по небольшим скальным уступам, а временами вписаны в оставшееся свободным пространство. Как минимум в двух случаях шахты были лишь намечены (шахты GE 42 и GE 54). Возможно, причина их незавершенности в том, что подземных пространств для обустройства погребальных камер практически не осталось. Здесь также следует учитывать и качество скалы, которая в восточной части Малого некрополя II испещрена трещинами. Кстати, низкосортность скальной породы и плотность застройки послужили причиной того, что покойный из GE 60 был похоронен в стволе шахты, а не в растрескавшейся погребальной камере: в ходе вырубки помещений дно шахты GE 60 и частично ее камеры провалилось в соседнюю погребальную камеру, до сих пор не вскрытую, чья шахта, по всей вероятности, располагается еще восточнее и не была затронута зоной археологических работ.

ИНЫЕ СЛУЧАИ ОБНАРУЖЕНИЯ «МАЛЫХ НЕКРОПОЛЕЙ» ВРЕМЕНИ 3-ГО ТЫС. ДО Н. Э. В МЕМФИССКОМ РЕГИОНЕ

Два малых некрополя эпохи Древнего царства, обнаруженные на восточной окраине некрополя Гиза Российской экспедицией, демонстрируют ряд общих признаков: компактность размещения погребений, общность и сравнительная простота архитектурного устройства (по сравнению с мастабой или скальной гробницей), приуроченность к определенному архитектурному центру («гробнице-ядру»), сходство погребального обряда, длительность существования (100–200 лет). Малые некрополи лишь отчасти подходят под определение семейного кладбища, скорее здесь были захоронены люди, не столько состоявшие в родстве, сколько объединенные одним родом занятий или связанными отношениями хозяин–слуга. В противоположность таким малым некрополям семейные участки кладбищ представляли собой обычно мастабу или скальную гробницу с увеличенным числом помещений-пристроек, дающих возможность устраивать новые погребения. Это мы видим, например, по раскопкам в западной части Гизы Г. Штайндорфа и У. Хёльшера в 1903–1906 гг., Г. Юнкера и С. Хассана в первой половине XX в., А.-М. Абу-Бакра в 1949–1950 гг.: к мастабам пристраивались новые насыпи, в которых делались погребальные шахты [Steindorff, Hölscher, 1991, S. 63–65; Abu-Bakr, 1953, p. 27–29, 83–85, 93–94]; у скальных гробниц высекались новые помещения. Последний прием можно наблюдать и у ряда скальных гробниц на территории российской концессии в Гизе: например, гробницы Ченти II, Хуфухотепа, Перинеджу, Хафраанха были расширены за счет вырубки новых помещений, в которых были устроены дополнительные погребальные места; в последнем случае для этого была снесена северная стена, на которой находилась рельефная сцена плаванья Хафраанха по Нилу. А в гробнице Перинеджу в ходе неоднократных расширений число мест для погребения увеличилось с двух до пятнадцати.

Малые некрополи должны быть приурочены к окраинным зонам, не занятым мастабами или скальными гробницами знати, так как плотность застройки центральных частей некрополя Гизы, где гробницы образуют компактные улицы, не предоставляет достаточного свободного пространства для появления и развития малых некрополей.

По зарубежным публикациям наиболее известен так называемый «Малый некрополь G 3000», расположенный к западу от пирамиды Хуфу (Хеопса), раскопанный в 1915 г. и опубликованный К. Фишером в 1924 г. Однако по сути, несмотря на название, эта часть Гизехского некрополя представляет собой скопление небольших сырцовых мастаб с четырьмя-семью местами для захоронения, иногда с дополнительными погребальными пристройками [Fisher, 1924, планы 1 и 2], что по конструкции схоже с сырцовой мастабой 24 и каменной пристройкой к ней в Малом некрополе I восточной Гизы. В отличие

от некрополя перед гробницей Хафраанха, в некрополе G 3000 на площади 400 кв. м сосредоточены скромные семейные мастабы с поминальными часовнями, нередко с вставными каменными архитравами, «барабанами» и стелами-панелями с именами и титулами владельцев [Fisher, 1924, pl. 16, 21, 23, 44–45, 49–52], а не безымянные шахтные погребения и простейшие по конструкции сырцовые склепы.

Тем не менее можно предположить, что небольшие сырцовые мастабы некрополя G 3000, расположенные достаточно хаотично, занимая свободное пространство северо-восточной оконечности некрополя Гизы, первоначально были ориентированы на более крупные мастабы этого или соседних участков, а владельцы, судя по титулам, занимавшие мелкие должности в царской администрации времени VI династии (судьи, писцы, надсмотрщики, поминальные жрецы культов давно умерших царей (например, Снофру) [Porter, Moss, 1974, p. 96–99]), могли состоять с хозяевами крупных мастаб в дальнем родстве или служить при их гробницах поминальными жрецами⁸. По планиграфии этой части Гизехского некрополя можно предположить, что такими «гробницами-ядрами» могли служить мастабы G 3030 (владелец неизвестен, датировка, предположительно, правление VI династии), G 1227 (придворная дама Сетхихекнет, время IV династии) или G 1235 (Ини, «управляющий скотоводами и пастбищами», время IV династии) [Reisner, 1942, p. 191, 411].

По типу ингумации наблюдается прямое сходство между малыми некрополями восточной Гизы и некрополем G 3000. Доминирующие позы – скорченная (эмбриональная) и полускорченная, на левом боку, головой на север, лицом на восток. Вытянутая поза встречается редко [Fisher, 1924, p. 26, 33]. Также выявлено несколько отхождений от традиционного погребального обряда, однако на фоне всей массы погребений их немного [Fisher, 1924, p. 27, 37, 39, 54], и соотношение их относительно традиционного способа труположения приблизительно такое же, как в Малом некрополе I перед гробницей Хафраанха.

Некоторое сходство с малыми некрополями восточной Гизы по простоте погребальной архитектуры, способу ингумации и антропологическим данным (об этом мы говорили выше) демонстрирует нижняя часть так называемого «Кладбища строителей пирамид», расположенного на юго-восточной окраине Гизы. Это кладбище, состоящее из двух частей (верхней и нижней), достаточно обширно и занимает площадь более 9 тыс. кв. м. При этом в верхней (привилегированной) части сконцентрированы небольшие мастабы, возведенные из известняковых блоков или сырцового кирпича, принадлежавшие начальникам над мастерами и художниками, а также другим чиновникам и жрецам [Hawass, Senussi, 2008, p. 17], а в нижней находятся более простые по форме погребения надсмотрщиков за мастерами, самих мастеров и работников, участвовавших в строительстве пирамид Гизы и окружающих их гробниц знати при IV и V династиях. Надстройки над могильными ямами, сделанные из сырцового кирпича или необработанного камня, скрепленного иловым раствором, выполнены в форме миниатюрных мастаб и ступенчатых пирамид, насыпей, вероятно, имитировавших первозданный холм, так называемых гробниц-ульев и склепов со сводами [Hawass, 2009, p. 125; Hawass, Senussi, 2008, p. 16, фото 4–12]. Последние являются близкой аналогией сырцовым склепам в Малом некрополе I у гробницы Хафраанха.

Однако значительная площадь «Кладбища строителей пирамид» и разреженность расположения захоронений, обусловленная наличием большой территории, незанятой гробницами (так как для Гизы этот участок является дальней периферией), – существенное отличие, не позволяющее отнести данный погребальный комплекс под категорию

⁸ О возможности дарования вельможами своим родственникам мест для погребения или мест для отправления поминального культа по соседству с их мастабами или же внутри них см.: [Кокина, 2013, с. 10–17].

малого некрополя, даже при наличии множества других общих черт, роднящих данный памятник с малыми некрополями на восточной окраине Гизы.

Вероятно, и большие, по сравнению с Гизой, площади других некрополей древней столицы Мемфиса – Абусира, Саккары, Дахшура – не способствовали кучному захоронению групп лиц, а следовательно, не содействовали и формированию компактных некрополей, объединявших погребения не только родственников, но и лиц, связанных скорее экономически (общим хозяйством (хозяин – слуга) или профессией).

Так, долговременные археологические работы в Абусире и Саккаре каждый год являют миру новые гробницы представителей египетской царской администрации различного ранга эпохи 3-го тыс. до н. э., иногда в окружении нескольких погребальных шахт⁹, но крайне редко – компактные малые некрополи их более скромных сородичей. В частности, так называемый Верхний некрополь в западной Саккаре, обнаруженный Польско-египетской экспедицией к западу от пирамиды Джосера, не дает ясной картины плотного размещения могил одного исторического периода: 24 могилы эпохи VI династии – начала Первого Переходного периода (XXIII–XXI вв. до н. э.) достаточно свободно размещены на территории около 2400 кв. м. В простых могильных ямах были найдены скелеты в плетеных тростниковых гробах или завернутые в тростниковые циновки. Однако некоторые могилы были привязаны к развалинам мастабы визиря Мерепнебефа, которую, по мнению К. Мышливица, бедное население, хоронившее здесь своих мертвых, вероятно, рассматривало как священное место [Myśliwiec, 2008, p. 580]. Это предположение вполне имеет под собой основание – так, гробница раннединастического царя Джера в Абидосе позднее (со времени Среднего царства, но особенно в эпоху Нового царства) считалась гробницей бога Осириса и стала местом поклонения и обильного подношения votivных даров.

К 2011 г. к западу от ступенчатой пирамиды Джосера в Саккаре, кроме упомянутого выше грунтового могильника польскими археологами на площади около 900 кв. м был раскопан некрополь «средней и низшей части среднего класса египетского общества» поздней фазы Древнего царства. Он сформирован вырубленными в скале шахтными погребениями, окружающими небольшие сырцовые мастабы и скальные гробницы (например, жреца и чиновника Нианхнефертума) [Kuraszkiewicz, 2013, p. 20–21]. Но в основном весь этот некрополь находится к востоку от крупнейшей гробницы этой зоны, принадлежащей визирю Мерепнебефу (жившему при первых царях VI династии Тети и Усеркара и умершему в правление Пепи I [Myśliwiec et al., 2004, p. 247]), т.е. логика развития этой части кладбища, создававшейся на протяжении более чем столетнего правления VI династии [Kuraszkiewicz, 2013, p. 271, 276–283], идентична развитию малых некрополей в восточной Гизе.

Упомянутый некрополь в западной Саккаре, вероятно, является семейным кладбищем: прежде всего он сформирован скромными сырцовыми мастабами, имена владельцев некоторых из них сохранились (например, Неферсешемсешат, Ири, Пехенптах, Хетепу, Тетианх, Нипепи), и окружающими их отдельно расположенными шахтами, вероятно, их родственников. Антропологическая экспертиза найденных останков показала, что они принадлежали мужчинам и женщинам (примерно в равном соотношении), дети встречаются редко [Kuraszkiewicz, 2013, p. 100, 137, 155, pl. X]. Возраст смерти мужчин в основном в интервале от 30 до 45 лет, старше или моложе реже, хотя отдельные индивиды перешагнули порог в 50 лет. Средний возраст смерти женщин немного ниже – 25–40 лет, хотя также есть и более молодые, и более возрастные индивиды (50+) [Kuraszkiewicz, 2013, p. 31–201].

⁹ См., например: [Myśliwiec, Kuraszkiewicz, 2010, p. 84–91, fig. 30].

Некоторые погребения сохранились нетронутыми (при этом по большей части без сопроводительного инвентаря) или были ограблены вскоре после похорон, но частично сохранив анатомическую позицию, – по ним можно установить особенности ингумации: наиболее частая поза полускорченная, по оси север–юг, на левом боку, головой на север, лицом на восток, что в целом соответствует данным по малым некрополям из восточной Гизы. Число случаев обнаружения тела в вытянутой позе на спине, головой на север, больше чем в Гизе [Kuraszkiewicz, 2013, p. 40, 42, 45–46, 60, 74, 113, 117, 119, 132, 159, 163, 169, 177, 183, 201], что говорит о все большем вхождении в обиход простейшего варианта мумифицирования тел. Исключения в привычной ориентации тел единичны и не влияют на общую картину: лишь одна женщина старше 50 лет была уложена на правом боку, головой на север, лицом на запад [Kuraszkiewicz, 2013, p. 153, fig. 75].

Что действительно привлекает внимание – это отсутствие в Саккаре архаической эмбриональной позы ингумации¹⁰, часто встречающейся в малых некрополях восточной и западной Гизы. Однако по датировке эмбриональные гизехские захоронения одновременны саккарским полускорченным и вытянутым погребениям VI династии. Похоже, что население, хоронившее своих мертвых в Саккаре, было более «прогрессивным» в отношении погребальных представлений, чем люди, жившие ближе к Гизе – некрополю, при VI династии все более приходившему в упадок, так как именно Саккара в этот период приняла на себя роль главного царского места упокоения.

При общности основных черт устройства шахтных погребений Гизы и Саккары (погребальный обряд, архитектура камер и шахт, наличие угловых выступов – т.е. строительных меток, маркировавших объемы проделанной работы¹¹) есть и заметные отличия – большинство тел в западной Саккаре в камерах лежало не на скальном полу, а в плетеных из тростника или сбитых из деревянных досок гробах, что должно указывать на несколько лучшее материальное положение индивидов, по сравнению с захороненными в восточной Гизе.

ФЕНОМЕН ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ МАЛЫХ НЕКРОПОЛЕЙ

Итак, малые некрополи 3-го тыс. до н.э. на участках столичных кладбищ Мемфиса формировались при крупных и богатых мастабах древнеегипетской знати. Возможно, эти сравнительно компактные места захоронения объединяли погребения не только дальних родственников, но и слуг вельможи, и людей одной профессии (которые также могли быть родственниками) – в этом могла состоять причина скученного размещения однотипных могил.

Логика размещения малых некрополей диктовалась не только близостью к некой привилегированной гробнице, но и наличием свободного пространства, пригодного для вырубки погребальных шахт или строительства склепов из сырцового кирпича. Обычно такие места располагались на окраинах столичных кладбищ, к которым и приурочены малые некрополи.

Внутри каждого малого некрополя все погребения можно объединить по схожести архитектурной формы и особенностям погребального обряда. Однако примечательно, что последний не отличался от ингумации, выявленной в погребальных шахтах внутри мастаб или скальных гробниц: умершие также были ориентированы (за некоторыми исключениями) по оси север–юг, головой на север, преимущественно в скорченной или по-

¹⁰ Такая форма трупоположения была характерна для египетских некрополей еще додинастического времени [Dodson, Ikram, 1998, p. 109; Dodson, Ikram, 2008, p. 133–134].

¹¹ Подробнее об угловых выступах см.: [Ветохов, 2016(2)]. Об угловых выступах в саккарских шахтах см.: [Kuraszkiewicz, 2013, p. 250–251, pl. VIII].

лускорченной позе на левом боку, лицом на восток, реже в вытянутой позе на спине [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 17; Kormysheva et al., 2015, p. 92–93, fig. 34–37; Лебедев, Малых, 2017, с. 144–145, рис. 2; Lebedev, Dobrovolskaya, Mednikova, 2018, p. 108–111]. Захоронения внутри гробниц были как с инвентарем, так и без него, что опять же существенно не отличает их от могил в малых некрополях. И лишь возраст покойных иногда старше, нежели в малых некрополях (например, тело мужчины старше 60 лет без следов мумификации было захоронено в погребальной камере 1А скальной гробницы GE 49 в восточной Гизе [Kormysheva et al., 2015, p. 242, 281, fig. 93, pl. XLVIb]), но чаще укладывается в интервал наиболее возрастных умерших, упокоенных в скромных могилах. Так, визирь Мерепнебф, вокруг саккарской гробницы которого постепенно сложился некрополь, умер в возрасте 40–50 лет [Kuraszkiewicz, 2013, p. 177]; Хафраанх, перед гробницей которого найден Малый некрополь I в восточной Гизе, дожил до 35–45 лет [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 240].

В целом можно сказать, что отдельных кладбищенских участков, на которых компактно бы находились захоронения представителей среднего класса египетского общества эпохи 3-го тыс. до н. э., известно на удивление мало. А кладбищ низшего класса, к которому можно причислить простое египетское крестьянство, трудившееся в эпоху Древнего царства в царских, храмовых и вельможеских хозяйствах, не обнаружено вовсе. Отсюда создается впечатление, что феномен малых некрополей для Египта 3-го тыс. до н. э. уникален, но впечатление это, похоже, неверное. Дело в том, что раскопки конца XIX – первой половины XX в. (а именно тогда велись главные широкомасштабные полевые исследования на территории главных мемфисских некрополей – Саккары и Гизы) имели целью выявить наиболее важные и яркие памятники погребальной архитектуры, да и объемы и скорость работ не способствовали тщательности или не предоставляли возможность опубликовать результаты работ с должной степенью подробности. По этой причине менее значимым (как казалось на тот момент) памятникам уделялся минимум внимания, или не уделялся вовсе. Можно предположить, что будущие археологические исследования окраинных зон некрополя (там, где пока еще сохраняется культурный слой, не уничтоженный современными жилыми постройками) дадут новые сведения и представят миру новые факты о жизни и смерти среднего и низшего классов древнеегипетского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ветохов С.В. Египетские скальные гробницы Древнего царства в Гизе: архитектурные элементы как инструмент датировки. *Вестник древней истории*. 2016(1). № 2. С. 245–263 [Vetokhov S.V. Egyptian rock-cut tombs of the Old Kingdom in Giza: architectural elements as a dating instrument. *Journal of Ancient History*. 2016(1). No. 2. Pp. 245–263 (in Russian)].

Ветохов С.В. Строительные метки в шахтах поздней V и VI династий в Гизе: к вопросу о предварительной планировке древнеегипетских скальных гробниц. *Восток (Oriens)*. 2016(2). № 3. С. 46–62 [Vetokhov S.V. The building corner marks in the shafts of the late dynasty V and dynasty VI at Giza: Notes of the preliminary planning of the Egyptian rock-cut tombs. *Vostok (Oriens)*. 2016(2). No. 3. Pp. 46–62 (in Russian)].

Кокина Е.А. Египетские гробничные посвятельные надписи эпохи Древнего царства. *Вестник древней истории*. 2013. № 4. С. 3–22 [Kokina E.A. Characteristic features of Egyptian tomb dedicatory inscriptions of the Old Kingdom. *Journal of Ancient History*. 2013. No. 4. Pp. 3–22 (in Russian)].

Кормышева Э.Е., Малых С.Е. Древнеегипетский малый некрополь в Гизе. *Вестник древней истории*. 2009. № 1. С. 199–214 [Kormysheva E.E., Malykh S.E. Ancient Egyptian Minor cemetery in Giza. *Journal of Ancient History*. 2009. No. 1. Pp. 199–214 (in Russian)].

Кормышева Э.Е., Томашевич О.В., Чегодаев М.А. Российская археологическая экспедиция в Гизе. Сезоны 1996–1998 гг. (предварительные результаты). *Вестник древней истории*. 2000. № 1.

C. 160–182 [Kormysheva E.E., Tomashevich O.V., Chegodaev M.A. Russian Archaeological Mission in Giza. Seasons 1996–1998 (Preliminary Results). *Journal of Ancient History*. 2000. No. 1. Pp. 160–182.

Лебедев М.А. Уникальный наконечник остроги эпохи Древнего царства из Гизы. *Aegyptiaca Rossica*. № 5. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 125–139 [Lebedev M.A. A unique fishing-spear head of the Old Kingdom from Giza. *Aegyptiaca Rossica*. No. 5. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017. Pp. 125–139 (in Russian)].

Лебедев М.А., Малых С.Е. Погребение древнеегипетского мастера по металлу в Гизе. *Aegyptiaca Rossica*. 2017. № 5. С. 141–172 [Lebedev M.A., Malykh S.E. The burial of Ancient Egyptian metal worker at Giza. *Aegyptiaca Rossica*. No. 5. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017. Pp. 141–172 (in Russian)].

Малых С.Е. Функционирование Восточного некрополя Гизы в конце Древнего царства и Первом Переходном периоде. *Вестник древней истории*. 2017. № 3. С. 537–554 [Malykh S.E. Functioning of the Eastern Necropolis of Giza at the end of the Old Kingdom and the First Intermediate Period. *Journal of Ancient History*. 2017. No. 3. Pp. 537–554 (in Russian)].

Малых С.Е. Древнеегипетские пивные кувшины и вотивные модели из Малого некрополя у гробницы Ченти I в восточной Гизе: проблемы интерпретации. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 4. С. 59–72 [Malykh S.E. Ancient Egyptian beer jars and votive models from the Minor Cemetery near the tomb of Tjenty I in the Eastern Giza: problem of interpretation. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN (Journal of the Institute of Oriental Studies RAS)*. 2018. No. 4. Pp. 59–72 (in Russian)].

Abu-Bakr A.-M. *Excavations at Giza 1949–1950*. Cairo: Government Press, 1953.

Arias Kytnarová K. Chronological relevance of bread baking forms – A case study of the Abusir South cemetery. Bárta M., Coppens F., Krejčí J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the year 2010*. Prague: Czech Institute of Egyptology, Charles University, 2011. Pp. 200–222.

Bárta M., Bezděk A., Černý V., Ikram S., Kočár P., Křivánek R., Kujanová M., Pokorný P., Reader C., Šůvová Z., Vlčková P. *Abusir XIII. Abusir South 2. Tomb Complex of the Vizier Qar, His Sons Qar Junior and Senedjemib, and Iykai*. Prague: Dryada, 2009.

Davies N. de G. *The Rock Tombs of Sheikh Saïd*. London: Egypt Exploration Fund, 1901.

Dodson A., Ikram S. *The Mummy in Ancient Egypt. Equipping the Dead for Eternity*. Cairo: American University in Cairo Press, 1998.

Dodson A., Ikram S. *The Tomb in Ancient Egypt. Royal and Private Sepulchres from the Early Dynastic Period to the Romans*. Cairo: American University in Cairo Press, 2008.

Fisher C.S. *The Minor Cemetery at Giza*. Philadelphia: University Museum, 1924.

Hawass Z. The Tombs of the Pyramid Builders – the Tomb of the Artisan Petety and his Curse. Knoppers G.N., Hirsch A. (eds.). *Egypt, Israel and the Ancient Mediterranean World. Studies in Honor of D.B. Redford*. Leiden–Boston: Brill, 2004. Pp. 21–39.

Hawass Z. The tomb of Keki: The Pyramid Builder. *Die ihr vorbeigehen werdet... Wenn Gräber, Tempel und Statuen sprechen*. Hrsg.: U. Rößler-Köhler, T. Tawfik. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2009. Pp. 125–135.

Hawass Z., Senussi A. *Old Kingdom Pottery from Giza*. Cairo: Supreme Council of Antiquities, 2008.

Junker H. *Giza III. Die Mastabas der fortgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof*. Wien–Leipzig: Holder–Pichler–Tempsky, 1938.

Kormysheva E., Malykh S. Lepsius Tombs in Giza Necropolis re-discovered. *Journal of Egyptian Archaeology*. 2010. No. 96. Pp. 49–70.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis I. The Tomb of Khafraankh*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufi-hotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018.

Kuraszkiewicz K. O. *Saqqara V.1. Old Kingdom Structures between the Step Pyramid Complex and the Dry Moat. Part 1: Architecture and Development of the Necropolis*. Varsovie: Neriton, 2013.

Lebedev M., Dobrovolskaya M., Mednikova M. A case of decapitation from Giza. *Prague Egyptological Studies*. 2018. No. XXI. Pp. 106–119.

Malykh S. Ancient Egyptian Burial Rites of the Vth and VIth Dynasties: The Problem of Rationality and Symbolism. *Chronique d'Égypte*. 2018. No. XCIII, fasc. 185. Pp. 58–76.

Myśliwiec K. *Saqqara III. The Upper Necropolis*. Varsovie: Neriton, 2008.

Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K., Czerwik D., Rzeuska T., Kaczmarek M., Kowalska A., Radomska M., Godziejewski Z. *Saqqara I. The Tomb of Merefnebef*. Varsovie: Neriton, 2004.

Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem*. Varsovie: Neriton, 2010.

Porter B., Moss R.L.B. *Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. III. Memphis. Part 1. Abû Rawâsh to Abûsîr*. Oxford: Clarendon Press, 1974.

Reisner G.A. *A History of the Giza Necropolis*. Vol. I. Cambridge: Harvard University Press, 1942.

Rzeuska T.I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs*. Varsovie: Neriton, 2006.

Steindorff G., Hölscher U. *Die Mastabas westlich der Cheopspyramide*. T. I: *Text*. Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris: Peter Lang, 1991.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЫХ Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow.